

В суде Тимарион встретился со знаменитым философом, ученым и политическим деятелем XI в. Михаилом Пселлом. Автор, правда, не называет его по имени, но весь характер описания, не лишеного доли иронии, дает все основания для такого отождествления.

Пселл выведен в „Тимарионе“ дважды: в суде (гл. 41) герой увидел „некоего софиста из Византии, который... благодаря своим способностям и ловкости давно уже исполнял в судилище эти обязанности [составителя судебных протоколов—Е. А.]“. „Сейчас (сказали Тимариону служители) ты сам увидишь... как быстро он продиктует писцу только что вынесенный приговор“. „Итак, после краткого перерыва судьи послали за ним, и когда софист в сопровождении Аристарха появился, шаг за шагом перечислили ему отдельные пункты своего решения. Софист тотчас же принялся диктовать, заметно заикаясь, так как и здесь не избавился от своей кривой губы“ (ὁποφελλίζων τὰ πολλὰ ὀπὸ γὰρ τὴν ἀγκυλόττητα τοῦ χεῖλους ἀπέβαλεν).

Эта характеристика Пселла дополняется несколькими параграфами ниже (гл. 45), где рассказывается, как „давешний софист из Византии“ пришел к философам и софистам. Первые, хотя и встретили его радостно, не приглашали его сесть и разговаривали с ним стоя. Вторые же „оказали ему большие почести: все как один встали при его появлении. Когда византиец устал, он либо садился тут же, в их кругу, либо покоился на возвышении, в кресле, которое ему приносили. Все восхищались прелестью и сладостью его речей, ясностью и простотой слога, плавностью манеры и умением так подбирать слова, чтобы они соответствовали и приличествовали какому угодно содержанию. Часто софисты, видя его, повторяли „О светозарный император“. Последнее обращение взято из сохранившейся в двух рукописях Лаврентианы речи Пселла, начинающейся словами „ὦ βασιλεῦ ἦλιε“.¹

Воздавая таким образом должное Пселлу как софисту и писателю, владеющему хорошим слогом, автор однако достаточно тонко намекает на то, что он отнюдь не считает Пселла философом, достойным занять место в ряду перечисленных им античных мудрецов—Парменида, Пифагора, Мелисса, Анаксагора, Фалеса и других основателей философских школ.

Тимарион, характеризуя этих античных философов, знакомит своего друга и с двумя людьми, которых мудрецы гнали и отталкивали. Первый из них был Диоген, основатель кинической школы (гл. 43), а второй—византийский ученый XI в. Иоанн Итал. Попавшего в преисподнюю Иоанна Итала Пифагор упрекает за то, что тот, будучи по облику христианином, „надев на себя одежду истинного галилеянина“, пытался общаться с языческими философами. Пифагор предлагает Иоанну избрать либо одно, либо другое (гл. 44). Автор называет Иоанна Итала кичливым „Константинопольским отребьем“ и заставляет его лаять и кусать Диогена. Древние мудрецы смеются над Иоанном Италом, считая его не достигнувшем ничего в грамматике автором писаний, явившихся общим посмешищем, а сам Иоанн тщетоно обращается к диалектике Аристотеля и к силлогизмам, с помощью которых он мог бы разбить своих противников.

Эта картинка—злая карикатура на одного из наиболее крупных философов Византии XI в.

¹ Bandini. Catalogus codicum Graecorum in bibliotheca Laurentiana, t. II, Florentia, 1768, p. 415; Plat. LVII, cod. Gr. XL, № 37. Cp. A. Ellissen. Ук. соч., стр. 178—179, 183.